

КАНТ И «КОПЕРНИКАНСКИЙ ПОВОРОТ» К ГУМАНИТАРНОМУ ПОЗНАНИЮ

© А. А. Савинцев

Савинцев
Алексей Александрович
аспирант
кафедры философии
Самарская
гуманитарная академия

В статье ведется выяснение существа «коперниканского поворота», осуществленного Кантом. «Поворот» раскрывается как методологическая предпосылка построений Канта, а также философской мысли последующих времен. Особое значение придается «коперниканскому повороту» в связи с методологией гуманитарных наук.

Ключевые слова: «коперниканский поворот», «антикоперниканский», ситуативность, опыт, включенность, данность предмета, необратимость, событийность, гуманитарные науки, понимание.

В философских кругах принято признавать за Кантом, помимо прочих его заслуг, такое завоевание, как «коперниканский поворот» (или «переворот»), о котором философ сам упоминал во втором издании своей первой «Критики...». «Поворот» этот был своего рода новостью для современников Канта, по крайней мере, если верить учебной литературе, которая любит красиво представлять Канта некоей третьей ступенью, следующей после эмпиризма и рационализма Нового времени, снимающей их проблемные точки в единстве. «Поворот» имел действительно поворотное значение для философской мысли не только того времени. Этот философский ход вызывает интерес и по сей день, что, впрочем, не удивительно. Роль Канта в истории философии трудно преувеличить, а значит, с особой осторожностью следует интерпретировать его мысли. В связи с выше сказанным считаю необходимым спросить: в чем

А. А. Савинцев

суть «коперниканского поворота» Канта и, что особенно важно, каково его значение для методологии гуманитарных наук? Попробуем разобраться.

Итак, принято считать Канта ниспровергателем двух философских позиций, двух стратегий – догматизма и скептицизма. При этом первая стратегия может быть описана как вера в безграничные силы разума человека. Кант данной веры не разделяет и впервые заявляет, что не знания должны соотноситься с миром, а наоборот, мир должен соотноситься с нашими познавательными способностями, чтобы вообще можно было бы как-то познавать. Ведь ситуация, в которой сознание подстраивается под окружающий мир, действительно не радует своими перспективами: у нас нет опорных точек, можно лишь строить догадки, впадать в догматизм или скептицизм. Заранее сущий мир, который должен быть познан, всегда ускользает, убегает, как черепаха от Ахиллеса. Совсем другое дело, если предметы каким-то образом находят свое место в механизме познания. Теперь у предметов и у познания есть поле пересечения. Так об этом говорит сам Кант: «До сих пор считали, что всякие наши знания должны соотноситься с предметами. При этом, однако, кончались неудачей все попытки через понятия что-то априорно установить относительно предметов, что расширяло бы наше знание о них. Поэтому следовало бы попытаться выяснить, не разрешим ли мы задачи метафизики более успешно, если будем исходить из предположения, что предметы должны соотноситься с нашим познанием»¹.

Другими словами, ситуация не такова, что активное сознание трудами и молитвами приходит к познанию заранее данного, статичного (в плане истины) мира. Лишь догматизм отважился бы предполагать, что у разума хватит на это сил, насильно наводя мосты между бытием и мышлением. Что значит: мир соотносится с возможностями познания? Очевидно, что разум с его способностями является активным участником явления этого самого мира, основой его разворачивания. А является нам мир не в чем ином, как в опыте.

Таким образом, опыт – некое исходное синтетическое образование, имеющее в основе материю познания (то, что хоть как-то дается вещами-в-себе) и формы его работы, среди которых формы разума, рассудка, чувственности. Этот опыт, разумеется, становится субъективным, данным нам, как только мы начинаем анализировать его. Поэтому – то Кант и вводит различие мира вещей самих по себе и мира явлений, то есть того, как эти вещи принимали участие в нашем познании, буквально – соотносились с познанием.

Вышеописанное – и есть так называемый «коперниканский поворот» Иммануила Канта: «Здесь повторяется то же, что с первоначальной мыслью Коперника: когда оказалось, что гипотеза о вращении всех звезд вокруг наблюдателя недостаточно хорошо объясняет движения небесных тел, то он попытался установить, не достигнет ли он большего успеха,

¹ Кант И. Критика чистого разума // Сочинения в 6 т. / И. Кант. Т. 3. М.: Мысль, 1964. С. 70.

если предположить, что движется наблюдатель, а звезды находятся в состоянии покоя»². Имеется в виду, таким образом, перенос точки зрения, смена перспективы. Подобно тому, как Коперник в свое время пересмотрел геоцентрическую систему Аристотеля-Птолемея и предложил свою, гелиоцентрическую, поместив в центр мира Солнце вместо Земли, Кант изменил философскую оптику. Происходит перенос внимания с того, **что** мы видим, на то, **как** мы это видим, своеобразный уход от антропоцентризма, от заикленности сознания на самом себе в близлежащие области. «Движется наблюдатель, а звезды – в состоянии покоя», – говорит Кант. Очевидно, эти слова можно расценивать как некое осознание ситуативности познания, как уход от жесткой структуры субъекта. В этом смысле, и Коперник, и Кант действительно союзники.

Мы теперь можем увидеть, что Кант неспроста вспомнил о Копернике, и мы будем не правы, если скажем, что «поворот» – лишь красочное сравнение, отсылка к тому, как когда-то естествознание действительно встало на путь науки, и что теперь должна по ее примеру сделать и метафизика.

Коперниканский ход Канта послужил началом глубочайшего философского исследования. Перенос внимания с самого знания о предметах на процесс добычи этого знания позволяет взглянуть на опыт как на цельную первоначальную структуру, а также поле для трансцендентального анализа. Такое рассмотрение непосредственно ведет к тому, что постфактум различаются способности познающего и материя познания, различаются как базовые элементы опыта. Другими словами, происходит выделение вещей-в-себе и явлений.

При этом необходимо понимать, что в данном случае под явлениями понимаются именно те самые предметы, которые должны «сообразоваться с нашим познанием». Ведь благодаря этому мы теперь можем говорить об объективности в поле знания – гносеологической объективности. О ней говорит, к примеру, В. А. Жучков в своей статье «“Коперниканский переворот” и понятие культуры у Канта»: «Обнаружение гносеологической объективности знания и его двуединой структуры или единства объективных и субъективных, содержательных и формальных моментов... было действительно революционным достижением, новаторским вкладом Канта в теорию познания»³. Именно Кант впервые заявил об объективности подобного рода. Причем возможна она не иначе, как благодаря наличию установки на различение вещей-в-себе и явлений. Если копнуть глубже – найдем коперниканскую оптику в метафизике.

Следует особо отметить, что, добывая свои априорные формы, Кант трактует их не только как составляющие синтетического акта, извлеченные постфактум, но и как механизмы получения нового знания. Разумеется, то же самое касается и вещей-в-себе. Тем не менее, философ не гово-

² Кант И. Критика чистого разума. 2 издание. С. 70.

³ Жучков В. А. «Коперниканский переворот» и понятие культуры у Канта // <http://filosof.historic.ru/>

рит о них так, как если бы они были увидены им до познания. Об этом свидетельствует жесточайший запрет на какое-либо позитивное описание вещей-в-себе. Таким образом, происходит своего рода «подмена процесса познания его результатами, способов достижения истины формами выражения уже достигнутой истины»⁴. Но очевидно, что сам Кант прекрасно отдавал себе отчет в этой «подмене». В этом и состоит изящество его априоризма: с одной стороны, изящество, а с другой – парадоксальность.

Ведь суть «коперниканского поворота» в том, что теперь в фокусе философского исследования находится не истина в каком бы то ни было виде, а то, как мы пытаемся ее познать, то, что мы делаем, когда хотим познать истину. Кант занимается уже не познанием, не познает в классическом смысле этого слова. Он исследует механизмы познания после того, как сам акт познания уже совершился.

Эту же «коперниканскую» машинку мы можем наблюдать и в этическом учении Канта. Для философа не существует плохих или хороших людей, существуют лишь конкретные поступки, совершенные действия, которые должны быть соотнесены с чистой формой, с категорическим императивом. Суть не в том, чтобы вспоминать о вещах, обстоятельствах, вынудивших к поступку, а в том, чтобы сравнить то, как мы уже поступили, с тем, как должны были поступить. И это долженствование основывается только лишь на автономной воле и свободе, более того, оно их утверждает. Человек, совершивший преступление, полностью ответствен за него, так как он лично на это решился. И здесь не имеет значение его воспитание, трудное детство и сомнительное окружение. В тот самый миг, когда человек совершал деяние, он знал, на что идет, так как моральный закон присутствует во всех без исключения, и все-таки мог поступить иначе. Лишь после деяния мы можем анализировать его, выяснять и раскладывать по полочкам причины, но в сам момент совершения человек этими каузальными связями не руководствуется, иначе этот поступок к практическому (в кантовском смысле) отношения не имеет. И в этом смысле человек абсолютно свободен. Так непоколебимая строгость этики Канта оборачивается гуманизмом.

Еще более отчетливо «коперниканский поворот» можно увидеть в связи с понятиями Бога и веры. Последнее у Канта весьма своеобразно, да и Бог не является ориентиром для практического разума. Дело не обстоит так, что человек не находит эмпирического подтверждения Бога, но тем не менее верит в него, в страшный суд и в геенну огненную, и поэтому, страшась, поступает правильно. Эта ситуация по существу ничем не будет отличаться от той, в которой Бог был бы обнаружен в опыте. Предмет веры не может выступать ориентиром для поведения, условием выбора, таковым может быть лишь моральный закон. Сначала совершается поступок, а потом мы можем найти оправдание реализованной максиме. Вот почему вопрос о том, «на что я могу надеяться», задается Кантом после

⁴ Жучков В. А. Указ. соч.

вопроса «что я должен делать». Объект веры не предпосылается должному, но оправдывает поступок, совершенный в качестве должного.

Итак, мы имеем достаточно отчетливое представление о том, что такое «коперниканский поворот». Однако такая картина вызывает ряд уточняющих вопросов.

«Коперниканский поворот» явился основанием для того, чтобы познающий со своими способностями оказался включенным в процесс становления мира явлений, то есть доступного окружающего мира. Но каково значение этого включения? Означает ли оно, что у субъекта теперь больше прав на истинное познание, даже на абсолютность? Вспомним слова Канта: «Естествоиспытатели поняли, что разум видит только то, что сам создает по собственному плану, что он с принципами своих суждений должен идти впереди, согласно постоянным законам, и заставлять природу отвечать на его вопросы, а не тащиться у нее словно на поводу...». Или же агностицизм Канта полностью перекрывает доступ к познанию мира в окончательном виде, лишает субъекта центральной позиции и оставляет наедине со своими формами?

В сущности, «поворот», осуществленный Кантом, является коперниканским или антикоперниканским? Ведь мыслители различных времен зачастую оценивают деятельность немецкого философа именно так. Среди них Герхард Фоллмер, который пишет следующее: «Кант... делает человека законодателем реальности, причем его категории и общие принципы разума лишь придают структуру всему опыту. Этим шагом Кант хотел совершить коперниканский переворот в философии. Его шаг действительно был эпохальным и даже революционным. Но, как заметили Фридель, Рейхенбах, Поппер, Рассел, Шольц, Смарт, Симони и другие, кантовский поворот был не коперниканской, а антикоперниканской контрреволюцией, так как он вернул человека теоретико-познавательного в центр мира, откуда он космологически был изгнан Коперником»⁵.

Коперник переместил центр мира с Земли на Солнце, в некотором смысле развеял претензии разума на центральность. В каком смысле Кант делает то же самое и в каком – идет обратно?

Прежде чем приступать к поиску ответа, считаю необходимым выдвинуть следующую гипотезу. «Поворот» Канта именно коперниканский, и вот по какой причине. Трансцендентальный субъект всегда находится в ситуации конечности, он вынужден познавать, так как уже познает. Субъект находится в процессе вращения, а не является статичным центром последнего, и поэтому вынужден действовать из этой позиции включенности. Именно такая интерпретация философской деятельности Канта сближает его с Коперником и позволяет в полной мере говорить о пользе «коперниканского поворота» для методологии гуманитарных наук.

⁵ Фоллмер Г. Мезокосмос и объективное познание (о проблемах, которые решены эволюционной теорией познания) // Вестник Московского университета. Сер. 7: Философия. 1994. № 6.

Подобное прочтение Канта толкает нас к тому, чтобы вспомнить ряд персон, известных исследователей его философии. Среди них – Мераб Мамардашвили, который связывает «коперниканскую» деятельность Канта именно с включением наблюдателя в саму ситуацию наблюдения, с невозможностью для человека высказать истину о предмете самом по себе: «Гениальный Кант уже начал в свое время коперникански устранять антропоморфический ментализм с его абсолютизацией наблюдения, фетишизмом и т. д.»⁶

Оценивая классическую рациональность, Мамардашвили справедливо замечает, что предметное знание и знание о знании лежат в разных плоскостях. Построив систему добычи знания и находясь в ее рамках, мы не сможем ничего сказать о том, какими средствами мы эту систему строили или о том, что было до ее построения.

Другими словами, ситуация наблюдателя такова, что он вынужден наблюдать, и любое проходящее через него содержание должно быть оценено именно с позиции «здесь и сейчас». Даже если в этом содержании есть намек на нечто предданное, обуславливающее данность.

Здесь можно увидеть неклассичность Канта. Выше уже отмечалось, что опыт для этого философа является первоначальным, исходным полем для анализа и поисков априорного знания, которое «должно установить нечто о предметах раньше, чем они нам даны»⁷. Получается, что они все-таки уже даны. И единственное, что мы можем, – разобраться в этой ситуации данности предмета, не надеясь докопаться до того, что имело место до сего момента. Можно лишь постфактум постулировать наличие вещей-в-себе, и то – отказывая им во всем, в чем только можно отказаться. Таким образом, речь идет о необратимости мира, ведь нет возможности шага назад. Здесь Кант – неклассик: «...Мир не может вернуться в прежнее положение, и поэтому мы не можем знать о том, каким он был до того, как он уже измерялся, уже воспринимался, уже наблюдался»⁸.

Установка на необратимость мировых процессов, осознание невозможности шага назад сжимает познающего в точке «здесь и сейчас». Всегда имеет место только эта позиция. Здесь уже можно говорить о событийности в философии Канта. Мы всегда находимся «здесь», а то, что определяло наше текущее состояние, давно прошло, причем безвозвратно. Прошлого можно вспоминать так, как будто его никогда не было, лишь в горизонте настоящего. Конечно, прошлое анализируется нами как состоявшееся событие. Но сама данность такого горизонта также есть событие, момент осознания представлений как своих, отнесение всех представлений к единству «я мыслю».

При этом нужно понимать, что в свою очередь и трансцендентальное единство апперцепции Канта есть априори, то есть добывается постфак-

⁶ Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. М. : Лабиринт, 1994. С. 34.

⁷ Кант И. Критика чистого разума. С. 70.

⁸ Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. С. 38.

тум. Как пишет Н. Ю. Воронина, «"Я", обнаруживаемое этой рефлексией в качестве условия выполнения синтеза, не предшествует синтезу, а может быть обнаружено только обратным ходом – посредством сознания выполненного синтеза»⁹.

Выше уже шла речь об этическом учении Канта, и неспроста. Ведь с такой «коперниканской» точки зрения познающий и действующий субъект просто не могут мыслиться по отдельности. Нравственное действие есть в некоторой мере событие. Поступок потому и не должен оцениваться в свете жизненных обстоятельств, так как обстоятельства эти не есть последние причины и истинные образы вещей. А если таковых не имеется, то и само действие, и его оценка происходят из той же позиции «здесь и сейчас». Есть, к примеру, понятие правильного поступка. Но, грубо говоря, оно есть только тогда, когда поступок уже совершен, а в ту самую секунду этого понятия еще не было. Оно извлекается аналитически, подобно тому, как постулируются вещи-в-себе в качестве материи совершенного познания. В силу именно такого статуса понятия должного человек действительно свободен. Его поступок ничем не обусловлен, потому что на момент деяния ничего обуславливающего в буквальном смысле просту нет. После поступка есть и понятия, и суд, и совесть, и вся строгость этического учения Канта. Такова плата за абсолютную свободу в действии.

Выходит, что принятие «коперниканской» установки в перспективе рушит любые спекулятивные метафизические построения, так как взор сознания есть теперь только лишь сам этот взор, горизонт. А последний не допускает отвлеченной метафизики и всего, что с ней связано: нельзя в позитивном ключе описывать вещи-в-себе, говорить о каких-либо каузальных связях применительно к ним, о пространстве и времени самих по себе.

Сами собой напрашиваются и более радикальные выводы: нельзя строить рассуждения, нельзя говорить, поднимая вверх указательный палец. Речь о предметах возможна лишь в рамках того, как они нам являются и как мы их воспринимаем, конечно же, при условии, что все это **уже** случилось.

Выходит, Кант – агностик? С одной стороны, вышеописанное – агностицизм, а с другой – единственно возможный путь как критической философии, так и любой адекватной мысли. И дело не в том, что лучше синица в руках, чем журавль в небе, а в том, что журавля-то, скорее всего, и не было.

Итак, вернемся к одной из основных целей наших поисков – к значению «коперниканского поворота» для методологии гуманитарных наук. Выяснение существа гуманитарных наук, разумеется, есть предмет более обширного исследования, чем данное. Поэтому в этом вопросе я остановлюсь на достижениях неокантианца В. Дильтея, который в свое время предложил деление наук на «науки о природе» и «науки о духе». После-

⁹ Воронина Н. Ю. Кант как «неклассический» мыслитель // материалы сайта www.phil63.ru

дние представляют собой комплекс дисциплин, изучающих универсальные ценности (Бог, благо, красота, справедливость, истина), их проявления в человеческой жизни. Гуманитарные науки отличаются тем, что пытаются описать явления в их конкретности, единичности. Их методология не сводит уникальность к общему принципу, но пытается зафиксировать индивидуальность реализации события. Поэтому чаще всего в таких науках используются интерпретационные методы, то есть герменевтика. Она же представляет собой, согласно Дильтею, не просто какой-то аспект теории познания, но фундамент гуманитарного знания («наук о духе») в целом.

Гуманитарные науки как раз и отличаются от прочих тем, что познающий сам есть часть той сферы, которую ему надлежит познать, понять. Методологические основы такого «понимания» мы и имели возможность наблюдать на примере философских поисков Канта в связи с его «коперниканским поворотом».

Иными словами, краеугольным камнем методологии гуманитарных наук и является вышеописанная позиция наблюдателя, по необходимости включенного в процесс становления предметности и, таким образом, в процесс понимания этой предметности. В свою очередь Кант достаточно ясно обозначил такую позицию, чем и заложил основы будущей методологии.

В связи с этим интерес представляют мысли Хайдеггера. Для него смысл «коперниканского поворота» (осуществленного Кантом, разумеется) состоит в том, что любому познанию должно предшествовать познание текущей ситуации, позиции познающего, другими словами, перед тем, как начинать что-либо познавать, сперва нужно разобраться в средствах, с помощью которых это познание будет осуществляться. С данной точки зрения предмет познания не может мыслиться без понимания того, как этот предмет дан. Сам Хайдеггер пишет: «Коперниканским поворотом "старое" понятие истины, в смысле "уподобления" (adaequatio) познания существу, было поколеблено столь мало, что скорее он его предполагает и даже впервые его обосновывает. Сущему ("предметам") онтическое познание может уподобляться лишь в том случае, если это сущее уже явлено как сущее, т. е. познано в своем бытийном составе»¹⁰. Разумеется, сам Хайдеггер четко обозначил включенность, ситуативность любого понимания, обреченность присутствия на то, чтобы познавать, присутствовать, чтобы быть «квот». Онтическому познанию предпосылается онтологическое. То есть познание предметов, конечно же, возможно, но только с понимающей точки зрения. А понимание представляет собой не гносеологическую процедуру, а принадлежит самой структуре человеческого бытия, к фундаментальным условиям его возможности.

Но именно такую смену точек зрения, преобладание онтологического вопроса над онтическим Хайдеггер и видит у Канта: «Этим поворотом Кант поставил в центр проблему онтологии»¹¹. А онтологический вопрос – это

¹⁰ Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики // Материалы сайта www.philosophy.ru

¹¹ Там же.

как раз такой, ответ на который никак не может быть выведен из сущего, внутримирного. Он должен быть достоверен сам по себе, сам из себя и своей достоверностью легитимировать любое другое познание, позволить предметам «сообразоваться с нашим познанием».

Kant and the "Copernican Revolution": rise of the humanities

A. Savintsev

In the article the phenomenon of Kant's "Copernican Revolution" is being investigated. The "Revolution" is presented as a methodological premise both of kantian thoughts and philosophical issues of further times. Due to this premise subject always finds itself in the situation of cognition. Therefore "Copernican Revolution" has played it's special role in formation process of methodology of the humanities.

Key words: "Copernican Revolution", counter-revolution, situation, experience, involving, given entity, irreversibility, event, the humanities, understanding.